

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

В НОМЕРЕ:

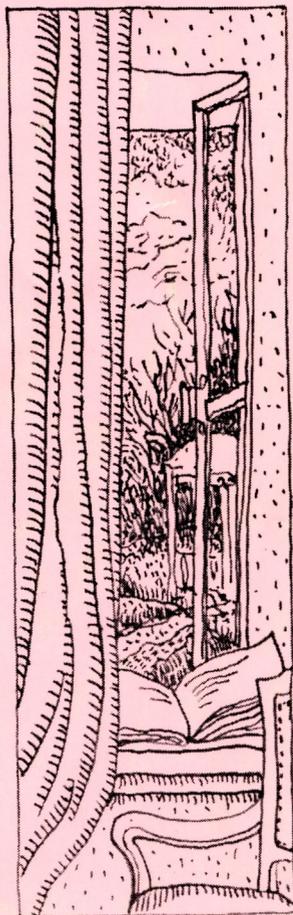
ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ХОЗЯЙСТВО ПРИ И. СТАЛИНЕ: ИДЕИ И
РЕАЛЬНОСТЬ

№6(24)

И.Т. ПОСОШКОВ —
НАЧАЛО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ
РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Р.М. ГУСЕЙНОВ

Посошков без преувеличений

Триста пятьдесят лет назад родился выдающийся российский мыслитель и публицист Иван Тихонович Посошков. В юбилейный год, по нашему российскому обыкновению, его наверняка будут награждать всевозможными научными титулами, преимущественно связанными с научными интересами современных исследователей и комментаторов. Возможно, что его назовут и первым российским экономистом, и основателем клас-

сического направления в русской экономической мысли (ссылаясь на некоторые аналогии в названиях его главного труда и великой книги Адама Смита), и первым русским физиократом. Возможно, что найдутся исследователи с изощренным взглядом на историю, которые назовут И.Т. Посошкова основателем русского институционализма. Ничего страшного в этом нет. Ведь юбилей же...

Если мы действительно хотим достойно отметить юбилей, то лучшим способом было бы переиздание его труда с характерным для XVIII столетия длинным названием: **«Книга о скудости и богатстве. Си есть изъяснение, отчесого приключается напрасная скудость и очесо бо гобзовитое¹ богатство умножается»**. И сделать это надо для того, чтобы, наконец, прочитать этот труд², воздать ему должное и не преувеличивать достижений, ибо великий человек не нуждается в экзотическом модернизаторстве.

И.Т. Посошков — дитя своего бурного времени, олицетворение противоречивых и порой парадоксальных результатов петровских преобразований, человек, одной ногой стоящий в средневековье, а другой — вступивший в эпоху, которую историки не зря называют новым временем.

Нелегкое чтение

Чтение книги И.Т. Посошкова — нелегкое дело. Нет, не из-за архаического языка. Человек, привыкший иметь дело с историческим материалом, легко разберется в тексте книги. Дело в другом. В юбилейный год хочется сказать о выдающемся человеке что-то очень хорошее, «прогрессивное», но начинаешь читать этот труд и невольно сникаешь. Принципиальный монархист, сторонник крепостного права и сословного строя, протекционист, отрицающий свободную конкуренцию, ортодоксальный противник протестантской религии и этики, наконец, публицист с весьма грубым, нарочито вульгарным стилем³ — вот каким выступает автор в первых главах «Книги о скудости и богатстве». Автор многословен, в книге много повторов, применяемых вместо аргументов. А некоторые места можно

¹ Изобильное.

² Прекрасное издание труда было осуществлено тиражом в 15000 экземпляров в 1937 г. [1]. Все цитаты с сохранением стиля, орфографии и пунктуации источника даются по этому изданию.

³ Вот образец этого стиля. Выступая против импорта алкогольных напитков, Посошков пишет: «От них, иноземцев, прием мы то, что выпить Да высьсать и на землю вылить, а иное и выблевать и здравие свое повредить, а веку своему пресеечение учинить» [1, 213]. Простота нравов XVIII в. позволяла представлять такого рода тексты даже царю.

назвать просто доносом на конкретных (с указанием имен) воевод, чиновников, офицеров, священнослужителей и даже крестьян.

Есть, например, в книге глава «О разбойниках», которую просто жутко читать. Во-первых, потому что, оказывается, в нашей стране мало что меняется: «Во всех государствах христианских и босурманских разбоев нет таких, каковы у нас в Руси» [1,228]. А причина, по мнению Посошкова, всего лишь — в нерадивом судопроизводстве. Во-вторых, потому что меры борьбы с бандитизмом и разбоем автор предлагает драконовские: пытки и членовредительство (отсечение пальцев или рук, колесование и «реброповешение», пытки огнем), казни и строгий сыск, доносительство и ограничение передвижения по стране без разрешения начальства лиц всех сословий⁴. «Без писменного отпуску из дому своего далее десяти верст отнюд не ездить, а в ночи и в другую слободу отнюд не исходить же» [1,238]. Всеобщая паспортизация и регистрация всех отъезжающих и приезжающих — оказывается давняя традиция, предлагавшаяся еще, как видим, в 1724 г. И вообще, «естли бы и у нас на Руси воров и разбойников вьскоре вершили и по иноземски и за малые вины смерти предавали без спуску и без отлагательства, то велми страшно было воровать» [1,238].

Что тут скажешь?

И тут меня осеняет, — а ведь точно такие же речи можно услышать сегодня. Может мы преувеличиваем прогресс? Может не в Посошкове дело, а в том, что мы живем в стране консервативных традиций? Не стоит ли посмотреть, насколько злободневна сегодня та проблематика, которую рассматривает И. Т. Посошков почти 280 лет назад?

Знать о проблеме, иной раз догадываться и о способах ее разрешения, но ничего для этого не делать в тайной надежде, что задача решится сама собой — вот одна из российских традиций! Проверим.

Страна традиций

И. Т. Посошков выявляет девять актуальных (для своего ли только времени?) проблем.

Первая проблема — духовная и образовательная.

Автор абсолютно уверен, что без фундаментального образования, без поголовной грамотности Россия не вырвется из тисков варварства. Он прекрасно понимает, что в России учить иной раз приходится и по принуждению. А те, кто учит, носители знаний и информации, преподавате-

⁴ Здесь наш автор ломится в открытую дверь: в 1716 г. произошло ужесточение уголовного законодательства. Смертная казнь предусматривалась в 73 случаях (по Уложению 1649 г. — в 60-ти), включая «сопротивление начальству».

ли, должны иметь достойное содержание с тем, чтобы не отвлекались на хозяйственные заботы. Напомню, с тех пор прошло почти 280 лет.

Вторая проблема — военная.

Для армии самая опасная проблема—это жизнь впроголодь, без достойного денежного содержания и жилищ. Нищенское существование солдат и офицеров провоцирует воровство, дезертирство и даже измену. Нередки случаи самоуправства и насилия, что ведет к самоубийствам. И это при Петре! Впрочем, сытое; житье в армии должно сочетаться с жесткой дисциплиной: никакой «воли и потачки» в армии быть не должно.

И. Т. Посошков, кстати, — сторонник высокого воинского профессионализма, что должно привести к сокращению количества войск.

Третья проблема—правовая.

Автор потрясен огромным количеством «колодников», т. е. лиц, находящихся под следствием в ожидании нескорого суда. Многие так и умирают, не дождавшись судебного разбирательства. Волокита и взяточничество— вот главные помехи судопроизводству. «Мзда заслепляет и мудрому очи» [1, 154], — горько сетует И. Т. Посошков.

В судах накапливаются не только уголовные, но арбитражные дела. В хозяйственных спорах И. Т. Посошков предполагает чаще применять процедуру мирового разрешения конфликтов. Судебная система, по мысли И. Т. Посошкова, должна стоять на страже финансовых интересов не только государства, но и предпринимательских сил России. Конечно, должники бюджета должны наказываться, но таким образом, чтобы не разорять их окончательно. Пролонгация долгов может стать нормальной практикой, конечно, за определенный процент в пользу казны.

Правовая система должна быть направлена на поддержку предпринимательства: «В немецких землях вельми людей берегут, а наипаче купецких, и того ради у них купецкие люди и богата зело, а наши судьи нимало людей не берегут и тем небрежением все царство в скудость приводят, ибо в коем царстве люди богаты, то и царство то богато, а в коем царстве будут люди у боги, то и царству тому не можно слыть богатому»⁵ [1, 157—158].

Помимо прочего, государство должно на законных основаниях, нормативно, а не лично, кредитовать и даже субсидировать частных лиц, готовых инвестировать собственный капитал в промышленность. Одновременно необходимо развивать коммерческий кредит и вексельное об-

⁵ Здесь и далее выделено мной. — *Р. Г.*

ращение, для чего тоже придется формировать четкое и понятное законодательство.

Много бед в России происходит от несправедливого суда, но и самих судей необходимо защитить от сильных мира сего. В любом случае, Россия просто обязана двигаться в сторону правового государства: «Царю не тако полезен пост и молитва, яко правосудие» [1,164].

Четвертая проблема—предпринимательская.

Хотя русское купечество склонно к обману, взаимным обидам и фальсификации товаров, все же «купечеством всякое царство богатитца» [1,103]. Программа Посошкова ясна: «И купечества в ничтожность повергать не надобно, понеже без купечества никакое, не токмо великое, но и малое царство стоять не может... Царство воинством расширятся, а купечеством украшается, и того ради и от обидников велми надлежит их охраняти, дабы ни малыя обиды им от служивых людей не чинилось» [1,192].

Купечеству надлежит дать «торг свободный». Но в то же время русских купцов и промышленников стоит оберегать от иностранных конкурентов твердой протекционистской политикой.

Иностранцев вообще надо бы в узде держать, ибо **дая нас хотя вовсе они товаров своих к нам возить не будут, мы можем прожить и без их товаров, а они без наших товаров и десяти лет прожить не могут. И того ради подобает нам над ними господствовать, а им рабствовать пред нами и во всем упадка пред нами держать, а не гордость»** [1,200].

Пятая проблема—промышленная.

Здесь, прежде всего, отмечается низкое качество изделий и неконкурентоспособность на внешних рынках. (И здесь традиции!)

Сторонник строгого государственного надзора за качеством изделий, И.Т. Посошков одновременно требует защиты авторских прав и патентования изобретений. Надо, конечно, учиться мастерству у иностранцев, но при этом своих мастеров не доводить до нищеты.

И конечно, **экспортировать не сырье, а готовые изделия;** «И чем к нам возить полотна из наших материалов зделанных, то лучши нам к ним возить готовые полотна» [1,224]. Напомню еще раз, с тех прошло почти 280 лет...

Наши товары всегда будут дешевле заграничных изделий хотя бы потому, что «хлеб и харчь у нас тамошнего гораздо дешевле» [1,224], а сырье и подавно. **И было бы совсем неплохо строить промышленные предпри-**

ятия за счет казны, раз на эти инвестиции не хватает частных сбережений⁶.

Шестая проблема—уголовная.

К сожалению, Посошков не видит иных путей борьбы и с разбоем и другими проявлениями организованной преступности, кроме ужесточения наказаний.

Седьмая проблема — крестьянская.

Какая идеология и терминология! «Надлежит же и о крестьянстве вспомнить, чтобы и их от разорения и от обид поохранить и в лености б пребывать им не попускать, дабы от лености во всеконечную скудость не приходили» [1,104]!

Чтобы крестьяне не беднели необходимо:

- установить государственные налоги с крестьян в соответствии с количеством пахотной земли;
- взимать налоги в удобное для крестьян время;
- упорядочить и нормировать рентные платежи в пользу землевладельцев;
- строго следить за тем, чтобы крестьяне «кроме неделных и праздничных дней не гуляли, но всегда б были в работе».

Что ж, сделаем скидку на время и обратим внимание на другой пассаж: «**Паки немалая пакость крестьянам чинитца и от того, что грамотных людей у них нет**» [1,247]. Отсюда всевозможные незаконные Бобыры и мошенничества против крестьянства.

Восьмая проблема — земельная.

Посошков — сторонник, крупного сельскохозяйственного производства. Он против дробления хозяйств и стремится к строгой юридической обеспеченности прав собственности. Еще в 1724 г. он понял то, чего до сих пор не поняли наши хозяйственные руководители: для разрешения правовых и финансовых проблем в сельском хозяйстве необходимо широкомасштабное кадастрирование российских земель, тщательные топографические описания угодий и введение простой системы поземельного обложения. «**И по такому расположению никто даром землёю владеть не будет, но все будет платежшики**» [1,269].

⁶ Подозреваю, что найдутся любители, которые могут назвать Посошкова предтечей кейнсианства. Между тем, эта идея автора всего-навсего дань средневековой практике. Например, в одном из указов 1712 г. Петр I приказывает: «Завести за казенный счет фабрики [сукна] и отдать их торговым людям, а буде волею не похотят, хотя бы и неволею».

Девятая проблема — фискальная.

Для И. Т. Посошкова государственный интерес связан, прежде всего, с казной, пополнять которую необходимо таким образом, чтобы не разорять налогоплательщиков⁷. Опытный предприниматель, он прекрасно знает, к каким ухищрениям и мошенничествам прибегают российские и иностранные дельцы и земельные собственники, чтобы скрыть от налогообложения свои доходы. Оказывается, теневые сделки были хорошо известны в нашей стране еще в первой четверти XVIII в. Поощряя государственную монополию на винокурение и продажу алкоголя, он прекрасно разбирается и в способах фальсификации напитков и незаконных их продажах. Впрочем, в книге можно найти и много резких слов против пьянства и спаивания мастеровых, труд которых оплачивается не деньгами, аводкой.

Но самая опасная фискальная болезнь, по мнению И. Т. Посошкова, — это казнокрадство многочисленных чиновников и сборщиков податей.

И, наконец, еще одна задача, решение которой необходимо для реализации «царского интереса» — это стабилизация денежной системы.

Не думаю, что для наших читателей нужны какие-то особые выводы. Все и без того ясно. Традиции — великая сила. Но есть среди них такие, из-за которых уже много лет болит душа, и эта боль становится хронической и — в конце концов — привычной.

Консервативный инноватор

А теперь по крупницам поищем и соберем те идеи, которые позволяют назвать И. Т. Посошкова человеком «переходного периода» или «консервативным инноватором» XVIII в.

Как и у всякого крупного мыслителя, амбиции автора велики: он хочет, чтобы его труд стал неким нормативным документом, а реализация заложенных в нем идей — теоретическим источником социально-экономической политики российских властей. Цель этой политики заявляется в первых же строках: сохранение и преумножение царской казны. Сугубо «византийский» вариант политики в духе раннего меркантилизма. Но уже на втором месте ставится другая цель — благосостояние народа [1,99], которое, увы, связывается, прежде всего, с отрицанием пьянства и расточительного потребления.

И. Т. Посошков — здоровый консерватор. В традициях он, судя по всему, видит основу стабильности общества. Попробуем бегло перечислить

⁷ Проблема и для того времени весьма злободневная: с 1710 г. государственный бюджет стал дефицитным.

некоторые предложения и идеи нашего автора, которые позволяют отнести его к деятелям консервативного толка, склонным к новаторству.

Хрестоматийная цитата: «Паче же вещественного богатства надлежит всем нам обще пешися о невещественном богатстве, то есть о истинной правде» [1,100]. Но невещественное богатство трактуется Посошковым сугубо религиозно-этически: «Правда отец Бог, и правда велми богатство и славу умножает и от смерти избавляет, а неправде отец диавол и неправда не токмо вьновь богатит, но и древнее богатство отончеваег и в нищету приводит и смерть наводит» [1,100]. Для чего же нужна победа «правды»? Ответ разочаровывающий: люди, склонные к правде, безропотно будут нести тягло и всевозможные дополнительные поборы [1,100]. Впрочем, жить по правде — это значит иметь достаточно доходов, чтобы пополнять казну без дополнительных поборов [1,101].

- И. Т. Посошков много пишет о правовых проблемах России. Необходима кодификация законов и создание новых судебников с учетом иностранного опыта, не только европейского (германского), но и азиатского (турецкого). Он предлагает **создать комиссию по кодификации из представителей всех сословий, включая крестьянство** [1,162]. Новые законы должны пройти свободной всенародное обсуждение. И — очень важно — новый кодекс должен быть опробован в судебной практике, до его публикации и утверждения царем [1,163—164]. Правда, последняя инстанция все же воля царя, и Посошков ни в коем случае не посягает на самодержавие. По его мнению, царь выше закона! А платить из казны судьям и приказным не стоит, они и без того имеют хорошие доходы⁸. Надо законом установить некие таксы с рассматриваемых дел и этого — достаточно [1,167]. Но и к судьям нужна строгость до жестокости, казни и конфискации имущества, ибо «у нас в Руси неправда велми застарела» [1,170]. И уж совсем не по-христиански: **«в народе злую застарелость злом надлежит и истребляти»** [1,170—171].

- **Он сторонник «равного», судя по контексту, внесословного суда** хотя бы для военных чинов [1,127]. Но **при этом он не только не отрицает сословного строя вообще, % настаивает на его усугублении. В частности, русских купцов и промышленников стоит оберегать не только от иностранных конкурентов, но и от торгово-промышленной деятельности лиц иных сословий.** Если дворянин, чиновник (приказный человек), военный или крестьянин захочет заняться купеческим промыслом, то ему надлежит записаться в купеческое сословие, оставив свое прежнее занятие.

Попытки Петра в 1714 и 1715 гг. ввести денежное жалование чиновникам оказались неудачными.

Особенно его раздражает торговая деятельность крестьян, и он требует прямого ее запрета. Такого рода «защита купечества» несет в себе печать реакционного антирыночного и контрмодернизаторского утопизма. Его приверженность сословному строю простирается до требования того, чтобы представители различных сословий носили разную одежду [1,206]. По его мнению, даже внутри сословий должен различаться внешний вид «по чину» или по богатству. И совсем было бы неплохо, чтобы покрой одежды определялся царским указом [1,208]! Если богатый человек будет излишне скромнен в одежде, дабы не раздражать окружающих, то такого человека следует *наказывать* вплоть до конфискации имущества [1,208]. Если, не дай Бог, обнаружится, что крестьяне разделились в боярские да дворянские одежды, это может означать только то, что «хочут итти на лехкую работу, на разбой» [1,209].

- Трудно понять отношение И. Т. Посошкова к государственным монополиям на производство и продажу различных товаров. Дело в том, что автор редко когда обременяет себя аргументами. Так, он резкий противник государственной монополии на соль. В то же время — активный сторонник монополии на водку. Возможно потому^ что сам Посошков был крупным винокуром, имел лицензию на производство водки. Вот и весь аргумент. А солью он не занимался.

- Противоречивы взгляды И. Т. Посошкова на финансово-кредитную систему России. Он прекрасно понимает значение коммерческого кредита и вексельного обращения, упорядочения финансовой отчетности и учета, благоприятной для предпринимательства налоговой системы. Он довольно резко выступает против подушной и подворной подати и настоячиво **требует поземельного налога для всех сословий**⁹ Его возмущает игнорирование дворянами интересов царской казны: получая доходы с земель, отданных в аренду, дворяне «великому государю ни по деньге на год не платят» [1,105]. Однако идеология здесь сугубо феодальная. Сегодня даже специалисты забывают, что феодальная система основана на условном землевладении, а не на безусловной частной собственности на землю. А Посошков об этом помнил и настаивал, с одной стороны, на обязательной службе дворян, а с другой — на реализации феодальной мудрости: **иной дворянин забывает, что «земля коя и под ним самим, не ево, но великого государя, а сам он не свой, но его ж величества»** [1,297]. И далее: «... под всеми ими земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время. Того ради царю и воля в ней большая и веко-

⁹ С такими идеями нетрудно было Попасть в тюрьму, да и умереть там, не дождав-шись суда.

вая а им меньшая и временная и... землю без платы не можно им владеть» [1,298]. Налоги должны быть невысокими, но собираемы со всех сделок. Очень вредны многочисленные косвенные сборы. Надо бы их все отменить и ввести один ясный сбор со всех доходов и сделок в пользу казны —десятину. А пока ничего кроме казнокрадства многочисленных чиновников и сборщиков податей, не происходит [1,286—287].

- Не менее противоречивы его идеи по поводу денежной системы. С одной стороны, он против порчи монеты и за обращение полноценных серебряныхизолотыхденег¹⁰ [1,312—313]. Необходима также всемерная борьба с «воровскими деньгами» и с фальшивомонетчиками [1,315]. Как и подобает меркантилисту, он предлагает серебряные деньги беречь: «не надлежит их во иные земли отпускать». При этом золотые червонцы вывозить можно [1,313]. А вот почему—остается загадкой, аргументов не приводится. С другой стороны, он проводит явно номиналистскую денежную идею: покупательная способность российских денег должна быть зависима не от веса монеты, а от ее номинала, ибо «у нас не вес имеет силу, но царская воля» [1, 314]! И далее: **«У нас сильно его пресветлаго в-ва слово, аще б повелел на медной золотниковой цате положить рублевое начертание, то бы она за рубль и ходить в торгах стала во веки веков неизменно»** [1,314].

- Защищая русских предпринимателей, ратуя за развитие обрабатывающей промышленности («художеств», по терминологии XVIII в.), введении системы защиты авторских прав и патентования национальных изобретений, за активные геологические изыскания, он одновременно весьма запоздало выступает сторонником цеховой регламентации, государственного ценообразования, и—самое неприятное — сугубо крепостнического способа разрешения проблемы с рабочей силой. Его предложения, направленные против бродяжничества и «гулящих людей» весьма напоминают английское «кровавое законодательство» с той лишь разницей, что в Британии оно осуществлялось четырьмя веками раньше. Мысль о рынке свободной рабочей силы ему даже в голову не приходит. В то же время он высказывается за сдельную оплату труда наемных работников.

- Посошковым осуждается импорт предметов роскоши, обогащающий страны-экспортеры [1,100,204—205]. Он вообще предлагает не по-

¹⁰ Порча монеты при Петре I стала элементом государственной финансово-кредитной политики. Денежная реформа 1701—1703 гг. предполагала чеканку новой монеты с пониженным содержанием серебра. Результат был плачевным: в связи с инфляцией подати и государственные сборы потеряли половину реальной ценности. Кстати, в 1712 г. заводчик Д. Воронов предложил Петру ввести в обращение деревянные монеты. Вот откуда растут ноги у наших «деревянных»!

купать у иностранцев те товары, которые производятся в России [1,205].

Понятие относительных преимуществ ему чуждо: «А и сукон салдатских, мнитца мне, у иноземцов покупать не надобно ж, потому что наши русские сукна, аще и дороже заморских станут, обаче тыи денги из царства вон не выдут. Того ради и сукнами нам потребно пронииматься своими ж, чтоб те денги у нас в Руси были» [1,205].

- Любопытно, что И.Т. Посошков видит зависть и ненависть соседей к богатым людям из купцов, скажем, построившим хороший дом в городе («палаты») и, как бы в пику завистникам, предлагает царю ввести налоговую льготу для лиц, построивших новое жилище. (Как видим, даже эта льгота отнюдь не новое изобретение российских законодателей.)

- Что касается крепостных крестьян, то в этом вопросе он не поднимается выше некоторого упорядочения крестьянских повинностей¹¹. Одно из самых радикальных мест в книге: «**А и сие не велми право зритца, еже помещики на крестьян своих налагают бремена неудобноносимая, ибо есть такие безчеловечные дворяня, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы ему на себя что «.работать и тако пахотную и сенокосную пору всу и потеряют у них иль что наложено на коих крестьян оброку или столовых запасов и, то положение забрав, и еще требуют с них излишняго побору и тем излишеством крестьянство в нищету пригоняют, и которой крестьянин станет мало посылтее быть, то на него и подати прибавит»** [1,253]. Отсюда побег и крестьянские выступления, хотя, по-хозяйски рассуждая, «что крестьяне богата, то бы и честь помещику» [1,254]. И опять—единственная надежда на царский указ, который должен был бы упорядочить и сократить все крестьянские повинности. «**И того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их царским указом охранять, чтобы крестьянские богатства были прямыми, а не нищими, понеже крестьянинское богатство — богатство царственное»** [1,254]. И еще неожиданность — право крестьян искать правды в суде, если помещичьи тяготы будут превышать установленную царем норму. Но автор одновременно требует ужесточения указа о беглых крестьянах, видимо, помимо прочего, и потому, что от него самого сбежали крестьяне. Через край проявляется «административный восторг» Посошкова: желая того, чтобы, не дай Бог, крестьяне не отдохали больше положенного, он приводит многостраничные инструкции о сборе орехов в лесу и ловле рыбы в озерах и реках, мечтая, чтобы по этому

Между прочим, еще в период регентства Софьи (1682—1689) В.В. Голицын выдвинул проект крестьянской реформы, по которому крестьяне должны были получить надельную землю, а взамен платить ежегодный налог.

поводу издавались специальные царские указы [1,250—251]. И наконец, хрестоматийное: **«По моему мнению, царю паче помещиков надлежит крестьянство беречь. Понеже помещики владеют ими временно, а царю они всегда вековые и крестьянское богатство — богатство царственное, а нищета крестьянская оскудение царственное»** [1,259]. И здесь мы видим точное понимание феодальных производственных отношений: в основе средневековой системы лежит условное землевладение, бенефиций в Европе, поместье в России, -а не абсолютная частная собственность типа аллода или вотчины.

Драма переходной эпохи

И. Т. Посошков жил в период, когда российская доиндустриальная — феодальная — система уже начинала вступать в длительный период кризисного развития, а новая — индустриальная — только начинала проявлять свой зародышевый характер. Однако еще одной традицией российской истории является то, что наша страна много раз вступала в период «переходной экономики», да так там и застревала, не достигнув органической системности. Такого рода периоды порождали И соответствующих мыслителей, противоречивых и многогранных. Тем и интересных.

Литература

1. *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве/Редакция, вступительные статьи и примечания Б. Б. Кафенгауза. М., 1937.